Три дня спустя начались церемонии и музыка, всюду висели красные фонари, а гости прибывали непрекращающимся потоком, что свидетельствовало о периоде процветания и великолепия. Приветствуемые хозяевами посланники Северной Ци и гости из города Восточных варваров с улыбками прошли по длинному коридору и вступили в самый величественный дворец государства Цин. Судя по выражениям лиц всех трёх сторон, в Поднебесной царило исключительное спокойствие, словно в прошлом не происходило никаких сражений и убийств.

Местом пиршества стал Храм урожая за пределами императорского дворца.

Снующие между столами служанки, подающие кушанья и вина, были очень красивы. Фань Сянь, приподняв брови, с улыбкой наблюдал за их деловитой суетой в этом величественном зале храма. Некоторые служанки заметили, что молодой и красивый господин Фань бросает на них странные взгляды, и невольно начали смущаться, их розовые щёки всё сильнее и сильнее румянились, и время от времени девушки поглядывали на него тайком.

В передней части зала собралось множество видных персон, но стояла мёртвая тишина. Среди почётных гостей от государства Цин были главы различных министерств и представители знати, которых Фань Сянь никогда раньше не встречал. Лишь глава Контрольной палаты, Чэнь Пинпин, и премьер-министр оба сказались больными и не явились. Напротив хозяев сидели посольства Северной Ци и города Восточных варваров.

Фань Сянь был чиновником низкого ранга, но поскольку он также служил заместителем главы представительства, его место оказалось посреди зала в окружении высокопоставленных чиновников почтенных лет, и он не мог не чувствовать себя немного неудобно. В этот момент сидящий рядом с ним старец улыбнулся и сказал:

— Для пиров есть множество правил поведения, но его величество всегда смотрел на это сквозь пальцы. Не нервничайте, молодой господин Фань.

Это был шилан министерства церемоний, Чжан Цзыцянь. Поскольку Фань Сянь имел неразрешимую вражду с семьёй министра церемоний Го, то втайне остерегался этого человека. Однако, услышав эти слова, вроде бы не несущие никакого злого умысла, он не мог сдержать смущённой улыбки:

— Этот юнец родом из деревни, где же ему повидать подобную роскошь? Если вдруг буду вести себя недостойно, прошу почтенного господина указать на это.

Чжан Цзыцянь погладил свою длинную бороду и улыбнулся:

— Помощник премьер-министра Жэнь сегодня на собрании двора сказал, что молодой господин Фань внёс огромный вклад в проведённые переговоры, и сейчас при дворе никто не желает вам зла, нужно только не вступать в конфликты вон с теми людьми.

Они перевели взгляд на сидящих напротив и заметили, что хоу Чаннин из посольства Северной Ци изнывает от скуки, но ближний к трону стол всё ещё пустует, видимо, приготовленный для загадочного и до этого скрывавшегося от публики господина Чжуан Моханя. Во главе посольства города Восточных варваров сидел рослый мужчина средних лет с длинным мечом при поясе, который он не сдал при входе. Фань Сянь невольно нахмурился и сказал:

— Почему он вошёл во дворец с мечом?

— По личному дозволению его величества. Ученики Сы Гуцзяня никогда не расстаются с мечом, это исключение, — подробно, словно собственному сыну, растолковал Чжан Цзыцянь.

— Это первый ученик Сы Гуцзяня, Юнь Чжилань? — у Фань Сяня волосы встали дыбом. Он чуть прищурился, вдруг ощутив естественно присущее этому вооружённому человеку смертельное намерение.

В эти дни правительство Цин намеренно пренебрегало послами города Восточных варваров. Кажется, Юнь Чжилань, мастер меча девятого уровня, пребывал вовсе не в приятном настроении. Даже сидя в императорском дворце государства Цин, он демонстрировал абсолютную холодность.

Фань Сянь посмотрел на Юнь Чжиланя, подобного мечу, и, по случайному совпадению, Юнь Чжилань тоже посмотрел на него.

Два взгляда, словно две молнии, прорезали зал.

Через мгновение Фань Сянь, словно проявляя слабость, опустил голову и слегка закашлялся: таким тяжёлым было смертельное намерение в глазах противника.

Этот обмен взглядами мгновенно привлёк всеобщее внимание. Всем было известно, что Фань Сянь убил двух учениц Сы Гуцзяня на улице Нюлань. И послы города Восточных варваров прибыли сейчас, чтобы окончательно разобраться с этим делом. Но, по мнению большинства, мастер меча Юнь Чжилань был бы не против Фань Сяня зарубить.

К счастью, благодаря удачному кадровому решению наследного принца, сегодня Фань Сянь заслужил благодарность, поэтому никто из придворных, неважно, к чьей партии он принадлежал, не посмел бы злорадствовать над Фань Сянем. Общий враг был перед ними, поэтому и главы министерств, и военные государства Цин пристально уставились на Юнь Чжиланя, первого мечника города Восточных варваров. Атмосфера во дворце внезапно накалилась.

Фань Сянь безо всякого выражения на лице опустил голову, контролируя свою истинную ци, и привёл себя в полную боевую готовность.

В этот момент сбоку зала послышалась торжественная музыка и евнух громко прокричал:

— Пожаловал император!

Самый могущественный человек в Поднебесной, единоличный владыка государства Цин, рука об руку с императрицей медленно вышел из боковой двери и с ласковой улыбкой на лице встал перед драконьим троном.

— Да здравствует император!

Придворные в передней части зала почтительно опустились на колени, послы с уважением поклонились. Повисшее в зале напряжение полностью сменилось ощущением крайней торжественности.

***

Император расположился на самом верху, императрица рядом с ним, наследный принц в одиночестве сидел на две ступени ниже отца и матери. Остальным принцам в этой обстановке места не было. Взгляд императора прошёлся по подданным у подножия трона, и прозвучал его ласковый голос:

— Поднимитесь.

Церемонии окончились, и официально начался императорский пир. Первым выступил глава посольства Северной Ци: заученно воспевая подвиги и прославляя добродетели, он отдал должное традициям дружбы между двумя странами и отошёл назад. Затем вперёд вышел Юнь Чжилань, без выражения проговорил несколько фраз и тоже отошёл.

Императрица слегка улыбнулась и прошептала императору на ухо:

— Этот человек из города Восточных варваров кажется таким надменным.

Сын Неба и Мать государства сидели на возвышении и могли не опасаться, что их слова услышит кто-нибудь рядом, поэтому говорили откровенно.

Император улыбнулся в ответ:

— Если бы у первого ученика Сы Гуцзяня, Юнь Чжиланя, не было ни капли надменности, боюсь, у него не нашлось бы и смелости войти в этот зал с оружием.

Служанки уже подали горячие блюда и переменили напитки, гости принялись за еду, не смея

разговаривать. Император тоже не раскрывал рта, и в зале стало довольно тихо.

Фань Сянь с непривычки опустил голову, взглядом с трудом изучая людей напротив. В прежде пустовавшем месте ближе всего к императору уже кто-то сидел. Это был человек со старческим лицом, однако с ясным и одухотворённым взглядом. В морщинах на его лбу словно отражалась неизмеримая мудрость. Белые одежды учёного окружали его невысокую фигуру, словно облако: не было никаких сомнений, что это господин Чжуан Мохань из Северной Ци.

Фань Сянь не заметил, в какой момент тот появился на своём месте. Подумав, он решил, что скорее всего это произошло вместе с появлением императора. Кажется, слухи не врали, этот Чжуань Мохань действительно пользуется благосклонностью вдовствующей императрицы, кто знает, возможно, после приезда он всё это время жил в императорском дворце.

Пока он украдкой рассматривал гостя, ему было невдомёк, что император с супругой в это время рассматривают его. Императрица пригубила вина и, взглядом указав на Фань Сяня, тихо сказала:

— Вон тот молодой человек и есть Фань Сянь, будущий муж принцессы Чэнь.

Император с улыбкой сказал:

— Кажется, он весьма хорош собой, к тому же в столице прославился как поэт. Сегодня утром Синь Циу и Жэнь Шаоань, эти два помощника премьер-министра, в один голос восхищались его способностями. Мне действительно интересно, почему приближённый наследного принца и человек премьер-министра настолько расположены к нему.

Императрица натянуто улыбнулась:

— Возможно, наследный принц хорошо разбирается в людях и умеет выбирать себе приближённых, к тому же Фань Сянь скоро станет зятем премьер-министра.

— О, разбирается в людях? — император то ли улыбался, то ли нет и не смотрел на императрицу, а направил взгляд вниз на своего сына. — Кажется, мой сын действительно понимает, как важно ладить с людьми.

Хотя тон у императора был не особо довольный, но императрица почувствовала, что император сегодня в неплохом настроении и не собирается, как в прежние дни, только и делать, что бранить наследного принца. Неужели он стал его положительно оценивать? Невольно обрадовавшись, она сказала:

— Чэнцянь постепенно взрослеет, само собой, он становится более разумным.

Император молча улыбнулся.

***

В это время Фань Сянь, то ли от волнения, то ли ещё по какой-то причине опрокидывал рюмку за рюмкой. Это вино больше походило на жёлтое, было совсем не крепким, кисло-сладким на вкус и Фань Сяня почти не брало, но в глазах сидевших рядом с ним чиновников он выглядел диким зверем, который дорвался до вина. Даже шилан министерства церемоний Чжан Цзыцянь не сдержался и напомнил:

— Господин Фань, не нужно так много пить. Вдруг вы нарушите приличия в высочайшем присутствии, а это серьёзное преступление.

Услышав, как его назвали господином Фанем, Фань Сянь понял, что эти слова обращены к нему. Здесь вовсе не цветочная лодка на реке Люцзин, а величественный императорский дворец, и он пришёл сюда не развлекаться, как гость, а как придворный чиновник. Фань Сянь про себя слегка улыбнулся и использовал немного истинной ци, чтобы на лице проявились признаки опьянения, а взгляд помутился, потом тихим голосом ответил:

— Не посмею утаивать, почтенный господин, я немножко волнуюсь. Почему бы не выпить, чтобы слегка расслабиться?

Чжан Цзыцянь заметил его осоловелый вид и решил, что Фань Сянь его не понял, он лишь покачал головой и с горькой улыбкой сказал:

— Господин премьер-министр сказался больным и не явился, ваш отец, как назло, тоже отсутствует, придётся мне за вас отвечать. Если вы и правда вдрызг напьётесь, то что я им скажу?

Приказ придворного этикета в последние дни не давал продыху сидящим напротив послам Северной Ци, так что, увидев состояние Фань Сяня, они невольно переглянулись, и у них возникла идея. Хотя Фань Сянь всё это время выступал в роли помощника главы представительства государства Цин, на переговорах он всё время молчал, но послы Северной Ци с отвращением постоянно замечали намёки на коварные умыслы на его красивом лице. У Северной Ци в столице государства Цин всё-таки было немало шпионов, конечно, они знали, что Приказ придворного этикета в этот раз настолько отличился как раз из-за того, что помощник главы Фань Сянь тайно что-то провернул, но что именно — никто не знал.

Сегодня обе страны уже завершили переговоры, представители обеих императорских семей подписали договор, и наверняка сожаления уже ничем не помогли бы, но в сердце послов Северной Ци осталось глубокое недовольство. При виде пьяного Фань Сяня хоу Чаннин коварно улыбнулся, поднялся на ноги и уважительно поклонился императорской чете:

— Ваше величество, в эти дни обе страны славно потрудились на переговорах. Все служащие вашего Приказа придворного этикета тоже отлично поработали. Позвольте мне поднять чашу за здравие чиновников Приказа придворного этикета и за дружбу между двумя странами?

Пока хоу Чаннин говорил, послы города Восточных варваров сидели рядом с ним и, конечно же, тоже видели, что Фань Сянь опьянел. Понимая, что хотят сделать люди из Северной Ци, они лишь равнодушно наблюдали, но не участвовали в веселье.

Драконий трон слишком высок: император и императрица, похоже, не разглядели скрытые мотивы и, не заметив, что происходит с Фань Сянем, с улыбкой конечно же дозволили поднять тост. Наследный принц тоже присоединился:

— Хоу Чаннин хочет повеселиться, и это понятно. Как говорится, противники на поле боя, покинув его, становятся друзьями. А за столом мы, конечно же, противники.

На самом деле наследный принц хотел продемонстрировать своё красноречие, но оно подвело его, поэтому чётко выразить свою мысль он не смог. Его слова очень расстроили сидящих внизу чиновников Приказа придворного этикета. В эти дни на переговорах они уже стали считать Фань Сяня за своего, так как же они могли позволить людям Северной Ци напоить его? Но они сидели далеко от него и ничем не могли помочь.

Фань Сянь улыбался и пил вино вместе с послами Северной Ци, но на душе у него было неспокойно. В последние несколько дней торговцы, подчиняющиеся старшей принцессе, нанесли удар по книжной лавке «Даньбо»: попросту подняли цену на бумагу и не давали поднять цену на книги, и от этого Фань Сычжэ и седьмой приказчик Е погрузились в печаль. Но он знал: настоящий удар должен быть ещё впереди. Однако его сегодняшний замысел требовал помощи вина.

Не поддаваться хмелю трудно, а притворяться охмелевшим ещё труднее. Таким было самое сильное впечатление Фань Сяня от первого для него придворного пиршества. Стороне Северной Ци тоже пришлось несладко — шестеро из восьми посланников пали, в конце даже хоу Чаннин перестал заботиться о приличиях, храбро пожертвовал собой и наполовину повис на руке Фань Сяня.

Император, который до сих пор тихо беседовал с императрицей и Чжуан Моханем, улыбнулся и сказал:

— Во дворце давно не было такого веселья.

Чжуан Мохань всё время молчал, лишь изредка, когда император задавал вопрос, тихо отвечал в нескольких фразах, соответствуя облику знаменитого учёного. Проследив за взглядом императора он, казалось, лишь только сейчас заметил стоящий в зале шум и гам. Увидев красивого молодого человека, который пил вино и обнимался с хоу Чаннином из Северной Ци, он с любопытством спросил:

— Этот юноша и есть молодой господин Фань, поэт?

Этот прославленный на всю Поднебесную литературный гений, видимо, с трудом верил своим

глазам: молодой талант, который завоевал славу поэта благодаря всего лишь, как рассказывают, трём стихотворениям, оказался буяном и пьяницей.

Император в раздражении слегка повысил голос и прикрикнул:

— Фань Сянь!

Большинство людей в зале всегда тщательно прислушивались к происходящему на драконьем троне, опасаясь что-то пропустить. Поэтому после слов императора весь огромный зал внезапно умолк, и в мёртвой тишине звучал только голос молодого человека по имени Фань Сянь, который продолжал кричать:

— Перепил! Я вас перепил!

Кажется, это было какое-то южное выражение. Видимо, младший господин Фань действительно слишком много выпил.

— Фань Сянь! — Увидев, что этот наглец пьян, наследный принц не сдержал свой гнев и выругал его. В конце концов, назначение Фань Сяня помощником главы делегации государства Цин было предложением Восточного дворца, и именно благодаря этому Фань Сянь попал сегодня во дворец. Фань Сянь потерял лицо, и принц гадал, как ему самому теперь сохранить достоинство.

По-видимому, осознав, что во дворце стало удивительно тихо, Фань Сянь в оцепенении замер на месте, его взгляд в замешательстве метался из стороны в сторону, однако его милое лицо всё ещё выражало шальную, пьяную беззаботность.

— Кто меня звал?

Когда придворные, близкие к семье Фань или к премьер-министру, услышали ответ этого нахала, им очень захотелось немедленно заткнуть ему рот, сунуть в повозку и выдворить обратно в поместье Фань.

Ко всеобщему удивлению, император, услышав ответ, уместный разве что в ресторане, казалось, вовсе не рассердился, а наоборот, рассмеялся:

— Это мы тебя звали.

Услышав императорское «мы», любой, что действительно пьяный, что притворяющийся пьяным, должен прийти в себя. Фань Сянь не оказался исключением: высвободив руку, он поспешно поклонился.

— Я… очень виноват, я… слишком много выпил.

Когда он высвободил руку, хоу Чаннин из Северной Ци, которого он поддерживал, совсем ослабел от вина и с глухим стуком упал на пол. Увидев, что главный посланник вражеской стороны так позорно свалился, чиновники государства Цин самодовольно заулыбались. Единственные два чиновника из посольства Северной Ци, которые не были пьяны, поспешно помогли хоу Чаннину вернуться на своё место, а дворцовые служанки, войдя в положение, принесли отрезвляющий суп.

Император бросил:

— Разумеется, я знаю, что ты слишком много выпил, иначе наказал бы за непристойное поведение в высочайшем присутствии.

Фань Сянь, изо всех сил удерживаясь в поклоне, с ухмылкой принялся оправдываться:

— Я не смею оправдываться. Однако гости приехали издалека, разве не радостно?* И если не составить компанию господам из Северной Ци, моя работа помощника главы представительства государства Цин не может быть выполнена как следует.

— Смотрите, — император наклонился к императрице, — это называется «не смею оправдываться». А если он всё-таки начнёт, то, боюсь, скажет, например… что это я дал ему выпить, так что никак нельзя его за это порицать.

Императрица знала, что его величество всегда с нежностью относился к принцессе Чэнь, и подозревала, что из-за этой привязанности он любит и всё, что с принцессой связано. Она слегка улыбнулась: хотя она не могла сказать о Фань Сяне ничего хорошего, она не была настолько глупа, чтобы ругать его.

— Фань Сянь! — Император назвал его имя в этом зале уже в третий раз. Чиновники насторожили уши, в глубине души чувствуя какое-то новое веяние. Видимо, отношения между семьёй Фань и императорской семьёй действительно необычны.

Император произнёс прохладно:

— Я хорошо расположен к семье Фань, так что в моих глазах ты просто дитя. Даже если не брать во внимание отношения подданного к государю, когда я говорю, ты всё равно должен держать рот закрытым. Не думай, что я не знаю о тех глупостях, которые ты несёшь, им место в кабаке. В юности свойственно считать, что достаточно хорошо подвешенного языка, и уже можно ни во что не ставить остальных.

Это было явным порицанием, но также и тайной защитой. Послы и чиновники были вовсе не дураками, чтобы не понять этого.

Как и следовало ожидать, император мягко продолжил:

— Этим летним вечером правитель и подданные пребывают в гармонии, и дружба между государствами будет вечна. Фань Сянь, ты прославленный поэт, почему бы тебе не сочинить стихотворение, чтобы увековечить это?

Все придворные наперебой принялись поддакивать, догадавшись, что император позволил семье Фань сохранить лицо. Казалось, императора осенила блестящая идея, и он хотел, пользуясь сегодняшним дворцовым пиром, дать понять всем министрам, что за человек этот молодой господин Фань, главный надзиратель восьмого ранга. Император предоставил господину Фаню хороший шанс показать себя, но тот сейчас был наполовину пьян: видимо, этот шанс будет упущен напрасно, вот ведь жалость.

Опьянение Фань Сяня усилилось, и он действительно был немного сбит с толку. Однако он чётко слышал эти слова с возвышения, поэтому улыбнулся сам себе и поклонился в сторону драконьего трона:

— Ваше величество, этот подданный лишь может сложить несколько корявых фраз, как он посмеет выставлять своё убогое творение напоказ перед великим гением нашей эпохи, почтенным Чжуан Моханем?

Как только эти слова прозвучали, все придворные уставились на Чжуан Моханя. Только сейчас они поняли задумку императора. Он хотел не просто дать господину Фаню возможность отличиться, а воспользовался им, чтобы доказать всем странам и народам Поднебесной: и в искусстве войны государство Цин не имеет себе равных в мире, и в искусстве словесности оно также обладает талантами, которые могут достойно соперничать с Чжуан Моханем.

Репутация Фань Сяня как автора «За сто тысяч ли от родимого края, в душе исполняясь тоски» гремела в столице уже несколько месяцев, и лишь потому, что он после упорно не писал стихов, постепенно угасла. Услышав его слова, придворные понадеялись на Чжуан Моханя, думая, что он и император придумали тайный план, чтобы поразить всю литературную общественность Северной Ци.

На самом деле Фань Сянь мог только гадать: его предыдущего жизненного опыта было недостаточно, чтобы понять, что на сердце у императора. Однако, наблюдая недавний расцвет литературы в государстве Цин, он подумал, что император никак не желал смириться с тем, что на поле битвы им нет равных, а в литературных кругах Северная Ци всегда считала их южными варварами.

Когда Чжуан Мохань приехал в страну, его поселили в Запретном городе. Хотя вдовствующая императрица и другие дамы преклонялись перед его талантом, всё же казалось, что император может почувствовать себя неловко. Как назло в государстве Цин не было своих литераторов, так что этого плагиатора ни за что ни про что вытолкнули на ринг.

Фань Сянь знал, что правильно понял слова слова императора, потому что своим острым

зрением он мог с дальнего расстояния рассмотреть, как глаза императора слегка сощурились, и в них появился намёк на восхищение.

Это восхищение, естественно, означало, что молодой господин Фань хорошо понял императора, и в то же время служило предупреждением: напиши хорошее стихотворение, не посрами государство Цин перед Чжуан Моханем.

— Почему бы тебе не сочинить стихотворение? Господин Чжуан Мохань оценит его, и если оно будет не хорошо, ты выпьешь штрафную, — с улыбкой предложила императрица. Она хорошо понимала замысел императора и заранее заготовила себе простор для манёвра.

Раз дошло до такого, что уж поделать? Фань Сянь вернулся за стол и, не обращая внимания, что уже изрядно пьян, опрокинул ещё рюмку, ощутил во рту кисловатый вкус вина и нахмурился.

Все придворные знали, что одарённость Фань Сяня проявляется стремительно, поэтому принялись считать про себя. Примерно на счёте «пятнадцать» в глазах Фань Сяня появился слабый блеск, на лице — улыбка, губы чуть приоткрылись, и он произнёс нараспев:

Пью вино, слагая песни.

Век промчится, как стрела,

Дни минуют быстротечно,

Словно капли рос с листа.

Преуспевшие в учении —

Вас ищу и к вам стремлюсь.

Неудачно. В огорчении

Исполнять стихи берусь.

Вот бы скромное жилище

Свет таланта озарил,

Под журчание свирелей,

Целый пир бы закатил.

И луну, что ярко светит,

Не преминул бы достать.

Разделяя радость встречи,

Вспомним прежнее опять.

Ясный ум затмит созвездия.

Стаи птиц летят на юг.

Всё кружат между деревьев,

Ищут, где найти приют.

Твердь и камни держат гору,

Все ручьи бегут к морям.

Как Чжоу-гун опору вижу

В уважении к мудрецам.**

Как и всегда, когда Фань Сянь выдавал стихотворение или избивал людей, после этих строк весь зал погрузился в тишину.

Когда-то это был шедевр Цао Цао. Фань Сянь выкинул несколько фраз и получилось так, что сейчас, в этом зале, вся Поднебесная на самом деле желала покориться намерению его величества, императора государства Цин. Самым удивительным была цитата о гуне Чжоу***, который реально существовал в этом мире, только он был не подданным императора, а действительно стал императором. Поэтому Фань Сянь и решился упомянуть его столь торжественно.

Спустя долгое время весь огромный зал разразился одобрительными криками:

— Прекрасные стихи!

Император выглядел удовлетворённым. Повернувшись к Чжуан Моханю, он тихо спросил:

— Что господин Чжуан думает об этом стихотворении?

Выражение лица Чжуан Моханя не изменилось. Неизвестно, сколько раз в жизни ему приходилось выносить оценку чужим стихам. Причина, по которой его уважали в Поднебесной, заключалась в том, что даже сидящие в зале чиновники государства Цин при вступлении в должность читали его сочинения, опираясь на его взгляды, его понимание добродетели и, самое главное, на его широчайшие познания.

— Хорошие стихи, — мягко сказал Чжуан Мохан, подцепив палочками зёрнышко арахиса и

отправив его в рот. — Действительно, хорошие стихи. Хотя их смысл немного прерывается, но сила их в качестве. Для поэта смысл первостепенен, но и качество важно. Это стихотворение молодого господина Фаня простое и искреннее, доступное и понятное, действительно хорошая поэзия. Я и не думал, что Южная Цин сейчас может породить такой талант.

Фань Сянь слегка улыбнулся: у него не было особых чувств к литературным знаменитостям, ему просто не нравились манеры собеседника. Едва поклонившись, он направился к своему месту за столом, споткнувшись по пути.

Чиновники во дворце всё ещё перешёптывались об услышанном стихотворении молодого господина Фаня. В общем-то, с литературой на сегодня могло быть покончено, однако обстановка в зале казалась какой-то странной. Кто-то спокойно произнёс:

— Господин Чжуан упомянул Южную Цин, что несколько неподобающе, ваша высокая учёность всем известна. В этом стихотворении, может, и не заметен высокий уровень молодого господина Фаня, так к чему слепо критиковать его? При нашем дворе множество талантливых поэтов, и молодой господин Фань один из лучших, не говоря уже о том, что эти стихи были написаны, пока все досчитали до пятнадцати. Но если взять такие стихи, как «За сто тысяч ли от родимого края, в душе исполняясь тоски», я сомневаюсь, что в Северной Ци какой-то талантливый человек может написать подобное.

Слова были очень неуместными, особенно на дворцовом пиршестве, прозвучали они крайне грубо. Император государства Цин не ожидал, что обычное обсуждение поэзии дойдёт до такого. Он понемногу начал хмуриться, гадая, что за подданный мог оказаться настолько невежливым. Однако тот высказался, чтобы исправить несправедливость к родной стране, поэтому не заслуживал осуждения.

Фань Сянь остановился по пути своему месту и совестливо поклонился Чжуан Моханю, показывая, что не хотел проявить неуважение. Чжуан Мохань покашлял, с трудом, поддерживаемый молоденьким евнухом, посланным вдовствующей императрицей, поднялся на ноги и спокойно посмотрел на Фань Сяня:

— Поэтическая слава молодого господина Фаня уже достигла столицы Великой Ци, и я часто читаю «За сто тысяч ли от родимого края, в душе исполняясь тоски».

Фань Сянь вдруг увидел в глазах этого литературного гения проблеск сожаления, а ещё решимость, с которой обрубают себе путь к отступлению. Сердце Фань Сяня дрогнуло, он вдруг почувствовал, что не замеченная ранее опасность сейчас медленно приближается к нему. Он был сильно пьян, но всё же, резко повернув голову, за дальним столиком дворцового зала он заметил лицо того, кто бросил ему вызов.

Го Баокунь.

Го Баокунь, которого он избил, Го Баокунь, приближённый наследного принца, составитель сборников Го Баокунь тоже имел право сидеть сегодня в этом зале. Но судя по всему, эта его

речь застала наследного принца врасплох. Поэтому тот, как и Фань Сянь, прищурившись, смотрел на скрывающее самодовольство лицо Го Баокуня, задаваясь вопросом, что он собирается сделать.

Фань Сянь почувствовал опасность и улыбнулся.

В этот момент Чжуан Мохань снова закашлялся, поклонился императору и тихо сказал:

— Я подданный Великой Ци, но моё сердце принадлежит знаниям. Я не хочу навредить дружбе между двумя странами, но кое о чём я не могу смолчать.

Лицо императора постепенно успокоилось, и он мягко сказал:

— Господин Чжуан, ничто не мешает вам говорить.

Одновременно с этим императрица подняла рюмку с вином, открыла рот, словно желая сказать что-то, но передумала.

Под ветра свист к лазури неба возносят гиббоны свой плач.

Над отмелью чистой без устали чайки скользят и играют, кружась.

По воздуху носятся ворохом листья, с деревьев слетая, шурша.

Янцзы вдаль бежит бесконечно и быстро, волну обгоняет волна.

За сто тысяч ли от родимого края, в душе исполняясь тоски,

Изгнанник, испивший от чаши страданий, на гору всхожу я один.

Скитания, бедность, болезни и горечь, как иней в висках седина.

Недавно и вовсе случилось отречься от чарки хмельного вина.

Во дворце стояла мёртвая тишина, никто не знал, какое удивительное суждение вынесет этот прославленный на всю Поднебесную учёный.

— Первые четыре строки этого стихотворения превосходны.

---

*Чуть искажённая цитата из Конфуция

**Перевод прекрасной Edheldhae

***Правитель династии Чжоу, известный своей почтительностью к мудрецам.

http://tl.rulate.ru/book/96718/1878672